

«Я всегда хочу невозможного»

Памяти Светланы Семёновой

23 августа исполняется 80 лет со дня рождения философа, литературоведа, писателя Светланы Григорьевны Семёновой. Именно она в 1970-е годы открыла после десятилетий забвения имя выдающегося христианского мыслителя, автора «Философии общего дела» Николая Фёдоровича Фёдорова. Её подвижническому труду мы обязаны появлением и знаменитого издания сочинений Фёдорова 1982 года в серии «Философское наследие», и Собрания сочинений, выпущенного в 1990-е годы. Светлана Семёнова вводила идеи «московского Сократа» в контекст современности и в горизонт споров о будущем. Она высоко ставила «богословие общего дела» Фёдорова, как и в целом богословское наследие русской мысли, и в книге «Евангельская история и метафизика в последовательности Четвероевангелия», написанной к 2000-летию юбилею христианства, опиралась на него наравне с сочинениями Отцов Церкви.

Идеи оправдания человека и истории, богочеловечества, активно-творческой эсхатологии, апокатастасиса находили творческое развитие в собственных философских работах Семёновой. Книга «Тайны Царствия Небесного», написанная в конце 1970-х – начале 1980-х годов, долгие годы в перепечатках ходила по рукам, а культуролог Георгий Гачев, супруг и многолетний собеседник Светланы Семёновой, назвал эту книгу явлением Женского Логоса.

Вопрос Фёдорова «Должны ли вера и знание быть всегда противоположными и враждебными, или же они должны объединиться?» был для Светланы Семёновой одним из центральных. С его положительным решением она связывала перспективу нового фундаментального выбора цивилизации

и в работах о двух ветвях русского космизма: активно-эволюционной, ноосферной мысли Н.А. Умова, В.И. Вернадского и активно-христианской мысли В.С. Соловьёва, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и др., в книге «Паломник в будущее: Пьер Тейяр де Шарден» (2009) – показывала, как идеи этих мыслителей помогают противопоставить нынешней секулярно-неоязыческой глобализации, которая всё больше смахивает на муравейник «великого инквизитора», идеал подлинной вселенскости человечества, сознающего себя строителем и делателем ноосферы, соратником Творца в истории.

В книгах Светланы Семёновой «Преодоление трагедии: "Вечные вопросы в литературе"» (1989), «Метафизика русской литературы» (2004), «Русская литература XIX–XX вв.: От поэтики к миропониманию» (2016) и др. русская литература представляла как образно-художественная философия, в которой звучали вопросы о человеке и природе, смерти и бессмертии, творчестве и воскрешении, неродственности и восстановлении родства. А работы об Андрее Платонове, собранные посмертно в книгу «Юродство проповеди: Метафизика и поэтика Андрея Платонова» (2020), стали основой философского платоноведения.

Редакция журнала «Наука и Религия» публикует текст Светланы Семёновой «Исповедание веры», написанный в феврале 1993 года для семинара «Моё кредо», который она вела в созданном при её активном участии Музее-читальне Н.Ф. Фёдорова (ныне – Библиотека № 180 имени Н.Ф. Фёдорова). Также предлагаем читателю памятную статью сербского философа и издателя Владимира Меденицы, руководителя проекта «Русские богоискатели».

Светлана СЕМЁНОВА

Исповедание веры

Во что человек верит – вещь довольно разоблачительная. Вера – по сути сфера желаемого, скреплённая волевым избранием: так я *стою* и так усиливаюсь верить. И ежели его верования, скажем, отмечены дуализмом, равномоцными полярностями добра и зла, тем более с акцентом на силу зла, с видением его воплощённой конкретности (у некоторых мир так и кишит сверхъестественными созданиями, по преимуществу нечистыми и злобными), ежели разра-

ботал он (да что там разработал, любовно-въядливо вывел) метафизику и иерархию демонических персонажей и энергий (как знакомые нам Олег Лукьянов или Лев Регельсон*), то это прежде всего многое открывает во внутренней психической конституции самого *верующего*.

* Олег Максимович Лукьянов (1937–1998) – российский писатель-фантаст, друг С.Г. Семёновой; Лев Львович Регельсон (р. 1939) – физик, богослов, автор книги «Трагедия Русской Церкви» (1977).

Что я могу абсолютно честно сказать о своей вере? Две вещи в ней наиболее для меня характерны, определяют мой душевный «завиток». Сначала о первой: неприятие онтологической силы зла. Во всех его самых раздражающих душу манифестациях я вижу большее-меньшее «несчастье», недостаток, ущерб, оскорблённость природой, обстоятельствами, людьми того или иного злодея... И в универсуме я абсолютно не восчувствую никакой драмы гордости, бунта, падения, противодействия Богу высших ангельских чинов, отщепляющихся тем самым в демонические. Это мне наиболее чуждо. Мне кажется, что поле брани добра и зла – в самом человеке. И зло – в эксцессах, о сколь разнообразных и причудливых, отчаяния в спасении. И одухотворяя, гармонизируя природу человека, потесняя в ней тёмную, оскорблённую иррациональность, обессмертивая его, мы тем самым будем укреплять в нём источники добра, расширять сферу света, разума, любви, потесняя и вытесняя судороги ненависти, злых помыслов, реакций и действий. Сатанизм, по моему мнению, рождается тогда, когда интеллект, богатый в своей фантазии и изощрённости, подключается к обслуживанию страстно-звериной стороны в человеке, тем более ещё раздражаемой метафизическим отчаянием, отравляемой смертными токсинами. Сознание, разум, интеллект по самой своей природе призваны вести лучшую, растущую в человеке его часть, работать на одухотворение материи. Когда же они противоестественно входят в нечистый союз с животным низом, то это и рождает это новое, неизвестное собственно животной твари качество (там пределы зверского чётко отграничены интелектом и природной целесообразностью), которое и назвали в его мифологической экстраполяции – сатанизмом.

Иначе говоря, я всем существом всегда ощущала и верила в выраженный христианской мыслью принцип: зло – лишь недостаток, отсутствие добра. Для меня это не головной силлогизм, не «философия», не богословие, а внутреннее, неизываемое убеждение.

Я не люблю отчаяния, всякого – и жизненно-бытового, и метафизического прежде всего: все фиаско, всякие

Светлана Семёнова. Начало 1980-х годов.
Фотограф – А. Б. Процук

там «гибели богов», «вечный ад», добровольное а-ля Гартман самоуничтожение жизни и Вселенной – это все бррр! для меня. Самое нелюбимое слово: *никогда*, фиксирующее ситуацию, переживание, чувство, человека, универсум в мучительной точке вечного неизбывного распятия.

Я всегда хочу *невозможного*: в отношениях с людьми и миром. Для меня это невозможное вполне возможно – я верю в это, только малодушие, слабость и ленивая корысть настаивают на обратном. Когда я была моложе, особенно напролом пыталась штурмовать закрытость другого, чая, а вдруг рухнут непроницаемые перегородки и откроется блаженство «взаимной прозрачности» (выражение Н. Ф. Фёдорова). Но «потёмки» чужой (потому и чужой) души осветятся в самых своих

скрыто-болезненных уголках и тайниках лишь в новой преображённой природе, но слава Богу, что хочется этого уже сейчас – залог, что возможно и будет...

И второе, самое дорогое, – спасение всех до единого, какой-то мощный метафизический демократизм: дать всем возможность развития, максимального выправления уродств, преображения; абсолютное равенство, равномощность и равночестность, «нераздельность и неслиянность» всех (по типу Троицы) в Царствии Небесном бессмертного божественного порядка бытия. Но и в этой ещё жизни не люблю самодовольства иерархического принципа в мышлении, противно мне и мировое устройство на этих основаниях: ранги, этажи, перегородки, и ещё одно «никогда» и «невозможно», что сквозит в этих подразделениях.

Отмечу ещё одно, существенное: стремление вывести к свету, дать оптимистический, созидательный исход даже из самого скудного бытийственного варианта. Как у человека думающего и пишущего – потребность обосновать необходимость и возможность реализации всех метафизических надежд, выраженных в великом христианском чаянии (воскресение мертвых, преображение, выход в божественный строй существования) и при самом безблагодатном, самом худшем исходном пункте: когда и существование Бога, благого направляющего вектора развития мира, может выводиться за скобки, как и прочие положительные

С. Г. Семёнова с участниками III Всеююзных Фёдоровских чтений. 1990.
Верхний ряд: А. Н. Щербаков, С. Г. Семёнова, С. А. Герасютин,
М. О. Лукьянов, О. М. Лукьянов, С. В. Ягулова.
Нижний ряд: А. Г. Гачева, Л. Г. Гачева, **старшая дочь О. М. Лукьянова**

благоприятствующие величины, скажем, объективный закон восхождения духа в лоне материи, «цефализация», внутренняя эволюционная программа и т. д. То есть не отчаиваться и действовать в любом, любом случае. И чтобы просчитать и самый последний, самый бедный вариант – редукция к минимуму, к тому, что совершенно очевидно есть: а есть и человек, и его безграничные творческие возможности, и его разум и сердце, есть огромный мир с колоссальными ресурсами материи и энергии, есть и идея Бога и Царствия Небесного с их поразительным богатством. И отсюда уже восходить и достигать, и если в ходе этого усилия обнаружатся с очевидностью благоприятные, помогающие моменты – Высшие Божественные силы – или препятствующие (а такие неотразимо очевидны в самом человеке прежде всего) – то надо или радоваться **неожиданной**, неожиданной помощи, или преодолевать вторые, не теряя отваги и терпения. «Методическое сомнение», сведение к последнему очевидному и движение уже от этого безусловного остатка ко Всему – такова тут траектория.

Кстати, ещё пару слов об этом, близком мне, если хотите, методологическом принципе подхода к реальности, который отправляется от непосредственной достоверности, реальной очевидности, отбросив все наиболее благосклонно-утешающие представления, данные только в акте веры, всю ту учёную и расхожую метафизику, что набрало, насочиняло себе человечество. *Методическим сомнением* называл его Декарт. Принципом Фомы неверующего можно назвать его по-христиански. Не удовлетворяться детской верой на слово и на авторитет, а вложить персты в раны, чтобы достоверно, опытно убедиться в наличии чуда, могу-

щего по благодати распространиться и на нас. Но не пасть духом, если даже этих ран не окажется и человек останется лицом к лицу лишь со своим желаемым, своим проектом (но ведь и это уже кое-что, и немалое!).

Ещё из методологии, так сказать, домашней: я считаю важным с предельным духовным вниманием вслушиваться в себя, и то, что мне субъективно, на самой незамутнённой глубине моего существа, является как наиболее истинное и благое, то я чувствую как всеобщее, как божественное и идеально человеческое, как факт бытийственной ценности. Иначе говоря, систему долженствования, целей и задач я черпаю из своего внутреннего колодца, полагая, что он бьёт моей струёй, но из одного большого общечеловеческого источника воды живой.

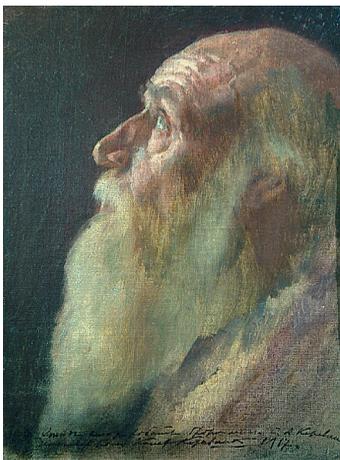
Женскую свою сущность я больше чувствую не *внизу*, как ни странно, а скорее *наверху*, в голове, в особой логике, анти-культурной прежде всего. Скажете, что её высказали-таки мужчины, но я её восчувствую и развиваю как женскую в своей натуральной сути. Мужчине более пристало оправдание смертной жизни через творение культуры; там, в этой нетленной галерее художественных образов, картин, скульптур, книг, мелодий он нашёл компенсацию своего преходящего существования, высший прекрасный плод. Женщина, порождая через свою утробу, свои внутренности уникальное живое существо, больше, чем мужчина, озабочена *им*, то есть таким плодом, который не просто вечно пребывает в пространстве идеальной художественной вещи, а реально существует, движется, мыслит, чувствует, действует, страдает и умирает. Творчеством бессмертия для неё может быть именно творчество бессмертной индивидуальной жизни, а не бессмертного творения искусства. Мужчины набросили на себя и мир густую символическую сеть: теорий, гипотез, уподоблений, метафор, мифологий, – она и помогает осмыслить окружающее и в нём действовать, она же часто запутывает и **т**реножит. Любят с ними играть и комбинировать: так повернуть или этак, в такое ассорти поверить и такое полюбить или иное. Мужчина больше, чем женщина, ответственен и за выбор культуры как высшего оправдания смертного бытия, и за орудийное, внешне-манипулирующее отношение к миру, отбросившее человека-субъекта на непереходимую дистанцию от мира, объекта приложения его орудийных операций. Женщине дано на путях инстинкта *выткать* своё дитя из зародыша, питая его собой; на бессознательном уровне она всегда занималась и занимается творчеством жизни. Она же, рожая в муках, знает, чувствует своими потрохами мучительную изнанку природного бытия, и ей должна быть внятнее идея преодоления его пожирающего, вытесняющего, смертного

порядка. И мне кажется, что именно как носительнице женского логоса, как выражается мой муж, мне так желанен путь рассимволизации, размифологизации нашего видения мира, выхода к прямому касанию вещей (что и сейчас более всего происходит *в работе* с материей), а затем и к новому способу понимания мира, общения с ним через глубокое вчувствование в вещь, вхождение в неё – стал *облаком, деревом, травой...*

Из других убеждений, так, для примера и наугад:

Каждый человек лучше, чем он кажется.

Надо найти способы зло, разрушительно направленную волю и энергию трансформировать в благую и созидательную – без этого никакое всеобщее дело всеобщего

Н. Ф. Фёдоров. С. А. Коровин, 1902

спасения невозможно. Оттого так люблю теорию доминанты на добро А. А. Ухтомского.

Гладьте каждого по головке, говорите, какой он хороший, и найдите ему достойную цель жизни.

Надо быть внимательным, как фармацевт, к тонким и точным градациям в мысли и понимании и чувстве: чуть недосыпал или пересыпал – и получил вместо лекарства отраву.

Свято верю в активное-творческое раскрытие Н. Ф. Фёдоровым Благой Вести Христовой.

Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века и хочу участвовать делом в его пришествии!

Верю в своих дочерей – Анастасию и Ларису.

Владимир МЕДЕНИЦА

Всевидящие очи

И другие во времена «коммунизма» знали о нём, но она его открыла. Однако в то время как для других он в лучшем случае был чудачком, если не дураком, для неё он являлся вершиной русской идеи. Он, библиотекарь Румянцевского музея, Николай Фёдоров.

Поэтому она всегда была впереди всех нас, и она нам раскрывала его. Благодаря составленной ею книге избранных сочинений мыслителя, знаменитому «зелёному тому», который я купил в русском книжном магазине в Белграде, ныне давно исчезнувшем, русская мысль стала мне открываться в своей необычайности и необыденности, почти как сказка, в сравнении со схоластикой и схематизмом, присутствующими в философской мысли Запада. Поэтому Светлана всегда была впереди меня, поэтому она меня вела, даже тогда, когда я её не знал, когда был крепко убеждён, что впереди меня никого нет, что по тропинкам, которыми я шагаю, никто никогда не шагнул и не мог шагнуть, так как я только что их проложил. О, какая наивность! Может быть, даже и гордость! Как бы то ни было, я думал, что я открыватель и, увы, именно там, где многие до меня уже производили раскопки, не сознавая тот завет-предостережение для нашей гордости, который нам дал сам Фёдоров: «У нас нет ничего своего, а всё даровое, точнее долговое

<...> мы получили жизнь от своих отцов, кои в таком же долгу у своих родителей, и т. д.». Да, она мне показывала, что это так, и благодаря ей я, между прочим, стал честнее по отношению к себе и к другим. Всё, что я «раскрывал», что говорил и записывал, всё это я позже читал у неё, всё это она уже сказала и записала до меня, я каждый раз – должен это сказать! – с болью осознавал, что какую-то «мою» мысль или идею она уже сформулировала, и при этом гораздо лучше и яснее, чем я.

Видение вещей, зрение духовных сущностей удавалось ей легко, она имела очи для этого, глубокие, бесконечно глубокие, изумрудно-лазурные очи. Очи, которые видят всё. Такие очи нигде не увидишь, очи, в свете которых купаются высшие метафизические идеи, как маленькие дети, полностью раскрывающиеся в своём смехе и чистой радости, как прозрачные медузы, чья сущность нам открывается точно так, как и прозрачность воды, в которой они плавают. Таковой она была, и в моей памяти таковой и осталась бездонная глубина Светланиных океанских очей. Это были очи, которые всё видят, ведают, знают, и при этом совсем не то грязное, низкое, жалкое в человеке; это были очи, которые видят насквозь, чей свет проходит через всю грязь и непогрешимо в каждом существе

находит ту кроху человечности, то существенное, то определяющее для данного существа, ту не потухшую искру Божию, которая каждому открывает надежду на воскресение, тот маленький, самый маленький Божий дар и талант, дающий ему возможность и с этими малыми силами, задавленными ленью, испорченностью, слабостью, словом, греховностью, быть достойным участником в самом большом возможном деле, деле воскрешения. Такими были эти очи, всевидящие очи, очи Светланы Семёновой.

Была она ученицей Фёдорова, русская до мозга костей, а быть учеником Фёдорова – это значит быть полностью захваченным идеями учителя, это значит суметь в каждом явлении русской культуры видеть фёдоровские мотивы или хотя бы ту самую силу духа, которая вдохновляла Фёдорова на его «безумные» проекты, видеть их даже

и в советском авангарде, направлении часто открыто безбожном и революционном в дурном смысле (Маяковский, Хлебников, Хармс), как, так сказать, «законно», объективно в ней присутствующие, а не лишь субъективную проекцию, именно так, как православный христианин не может в них, в этих явлениях революционной русской культуры, хоть бы они были и открыто богоборческими (такие всегда на поверхности, а почти никогда в глубине), не увидеть христианские причины, хоть и замаскированные под общечеловеческие. С непогрешимой точностью и неопровержимой доказательной силой она те мотивы, ту силу духа, которая проявлялась у Фёдорова в формулировке его проектов, раскрывала и у тех писателей, которые в советское время созидали особый, специфический реализм, у Горького и Шолохова, у Платонова и Леонова. Этим она подтверждала не диалектическую связь и прямое влияние идей Фёдорова (что, конечно, в некоторых случаях так и было – Горький, Платонов), а глубинную обоснованность этих идей в русском духе и их основополагающую, так сказать, данность и заданность в этом духе, которую могли обнаружить лишь редкие, пророчески настроенные русские мыслители, такие как Достоевский, Соловьёв и Бердяев.

Глубокое внедрение в русскость – то, что отличает всех великих русских мыслителей и писателей, даже если они на сознательном уровне, особенно в философской рефлексии,

С. Г. Семёнова выступает на пленарном заседании I Всесоюзных Фёдоровских чтений в г. Боровске. 14 мая 1988 года

её и отрицали, так что когда говорится о них, нельзя одновременно не говорить о России. Россия должна быть фоном каждого упоминания о Достоевском, Чехове, Шолохове, Платонове, Леонове, о Хомякове, Соловьёве, Бердяеве... Точно так же, когда речь идёт о России, невозможно не говорить об этих же писателях и мыслителях (конечно, и не только о них), ибо если не говорить о них, то и в разговоре о России было бы что-то недостаточное, пустое, ложное. Невозможно, значит, в этом разговоре обойти имена Пушкина, Гоголя, Хомякова, Достоевского, Толстого, Соловьёва, Чехова, Белого, Горького, Бердяева, Платонова, Шолохова, Леонова и многих других, как невозможно, и я в этом глубоко уверен, не прибавить к этим именам, поставив его при этом на первое, почётное место, имя русского до мозга костей, первого русского из русских, Николая Фёдорова, а тем самым и имя его верной ученицы,

с которой мы имели счастье и честь быть знакомыми, дружить с ней и слушать её, – имя Светланы Семёновой.

Это одновременно, несмотря на то, в какой мере остальная часть мира сможет это услышать и принять (здесь мы, естественно, не будем питать нереальные надежды), значит придать этим именам общечеловеческое, даже космическое значение, ибо и совокупная «слепая природа» имеет возможность слышать, ибо дует и космический ветер, дух наших деревьев в космосе, ибо русская идея не умерла, как бы в ней сегодня ни сомневались, как бы в ней ни видели лишь «исторический» факт, лишь утопию одного исторического периода, полного романтики и национального самоутверждения. Она как таковая не может и в наши дни не быть общечеловеческой и космической. И вопреки тому, что для её принятия ещё рано, что человечество ещё и не начало выходить из своего несовершеннолетия, я не могу не пожелать, чтобы мы как можно раньше стали совершеннолетними, сознательными, ответственными и свободными, чтобы как можно раньше поняли и приняли лучшие сыновья России (какие, впрочем, существовали и в других частях мира – об этом лучше всего говорит работа Светланы о Тейяре де Шардене), что на самом деле единственно и задерживает возможность спасения. В этом я вижу самую большую заслугу Светланы Семёновой – мы есть и в Японии, в Польше, в Германии, в Сербии, мы есть, и будет нас ещё больше...

В памяти своей я и не могу видеть её иначе, но как основу в своей улыбке она несла воду, воздух, землю, огонь, в своей улыбке таила её, чудесную мать Россию, Акбару Айтматова, волчицу её глаз, Вечную женственность Соловьёва – Афродиту небесную и Афродиту земную, Небесную Софию Булгакова и Вещественную Софию Леонова, Марию Доломанову и Маньку Вьюгу, – имела Светлана и что-то голубое и нежное, русско-озорное в своей улыбке... наподобие Сергея Есенина...

Активное христианство, *odium fati*, пафос вселенской любви как воскресительной силы, все эти фёдоровские идеи – это было её существо и её вещество. И его она узнавала даже и в тех писателях, которые были лишь задеты ветром русской идеи, но зато глубоко внедрены в своё национальное наследие, каким был Чингиз Айтматов, о котором она писала в «Метафизике русской литературы», в разделе о ноосферном смысле новой русской литературы и... конечно, своими очами, которые всё видят, видели и манкуртов старого, нынешнего и будущего времени, и уничтожение природы вместо её регуляции, и трагическую цепь жизни, где все виноваты за всё, так что и на первый взгляд невинный может пострадать... И иконический цвет глаз Акбары, изумруд и лазурь её собственных глаз, вхождение в икону Святой Троицы, самый верный знак, по которому узнаём слугителя Троицы. А могла видеть потому, что служила Троице, проводником воли Троицы она была.

Полнота была её элементом, и никакой другой Бог, кроме Троичного Бога, не был её Богом, она разбивала кумиров и не дотронувшись до них, освобождала каждое живое существо от оков греха и заблуждений, видя его именно в свете воскресения, всеобщего спасения. Иное спасение невозможно, поскольку личность – соборная, а не индивидуалистическая категория, а мы, если спасаемся, уподобляясь Богу, то спасаемся, именно уподобляясь Троичному Богу, не как каждый человек в отдельности, а как общность, которая и становится личностной именно из-за своей соборности, церковности. Мы и не можем иначе дать творческий ответ Богу-Троице, кроме как соборуюсь с другими, церковно. Трое являются личностью потому, что они неразрывная, неслиянная и нераздельная общность, и мы можем стать личностью только если в духе вечной памяти Церкви возвращаемся к нашему Творцу и нашему Родителю, Троичному Богу.

Идея о троичности, соборности личности, преодолевающая всякий индивидуализм и чудачество, коллективизм и стадность, была озарена особым светом – на неё я также посмотрел изумрудно-лазурными очами Светланы Се-

Встреча памяти Н. Ф. Фёдорова в Доме Джуря Якшича (Сербия, Белград). 24 октября 2003 года
Слева направо: В. А. Никитин, М. Грбич, С. Г. Семёнова, Б. Г. Режабек, В. Меденица.

мёновой, как снятыми с иконы Святой Троицы Андрея Рублева, где вместе обитают Бог, человек и природа, Три ангела, мамврийский дуб, маленькая церковка и невидимые Авраам и Сарра... но теперь не с болью, а с радостью, ибо это не было моим, это было нашим.

И если икона Святой Троицы Андрея Рублева является тем дорожным указателем, который направляет к нашему истинному месту рождения, тогда и «дорога в Россию есть дорога в высь», как сказал великий сербский поэт Милош Црњански, тогда и настоящие русские люди являются дорожными знаками по сторонам этой дороги, дороги в высь. И среди этих знаков теперь ясно выделяются два лица – великого мыслителя Николая Фёдорова и его преданной ученицы Светланы Семёновой.

То, что я познакомился с этой женщиной, олицетворением матушки России, её лучших земно-небесных возможностей, для меня не только является особой честью, но и последним доказательством, свидетельством о том, что моя вера, вера моего деда и моего отца не была тщетной, ибо строилась не на фикции, иллюзии и корысти, а на неунничтожимости союза материи и духа, земной и небесной Софии, соборного, троичного, богочеловеческого единства Сербии и России. Я был обрадован, что на мне в какой-то давний день остановился её голубо-зелёный взгляд, открывший мне на мгновение, которое длится уже долгие годы, вход в бездонные прозрачные глубины, где любой смысл радостно открывается, а глубина начинает улыбаться, точно так, как улыбалась она...

Перевод Мирьяны Грбич
Подготовила Анастасия Гачева